

«...Пожить в смерти и вернуться»
О художественной философии Андрея Платонова

© 2019 г. С.А. Никольский

Институт философии Российской академии наук, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

E-mail: s-nickolsky@yandex.ru

Поступила 04.07.2019

Философско-художественное творчество Андрея Платонова двадцатых — первой половины тридцатых гг. не может быть адекватно понято вне культурного и вне исторического контекста. Особенностью такого было превращение европейского марксизма в его российский вариант — большевизм, и это нашло выражение в уничтожении частной собственности вместе с ее носителями; в превращении демократического правления в самодержавие; в насильственном объединении мелких аграрных производителей в целях форсированного индустриального развития для решения задач обороны и поддержки будущей мировой революции.

Работая в условиях цензуры и со сталинским ярлыком «мерзавец», Платонов должен был находить скрытые способы адекватной реакции и оценки действительности. Таковыми стали формы философско-художественного анализа: от простых, непосредственных высказываний о событиях или героях, до сложных — соединения сюжетов с разными смыслами, в результате чего происходило их взаимное усиление и возникновение нового смысла. Невнимание читателей и исследователей к этим формам платоновского анализа делает его текст «закрытым» или неверно интерпретируемым.

Проза Андрея Платонова философична. И понять ее можно, лишь представив жизненную цель писателя. Думаю, что подобно своему герою, рыбаку с озера Мутево, Платонов хотел понять современный ему российский тектонический сдвиг, «пожить в смерти и вернуться», чтобы рассказать народу о виденном и, тем самым, дать ему возможность самому, как народу джан, решать — жить оседло или кочевать по пустыне.

Ключевые слова: Андрей Платонов философия, литература, история, человек, общество, сознание, любовь, смерть, отражение, интерпретация, смысл, ирония.

DOI: 10.31857/S004287440007524-1

Цитирование: *Никольский С.А.* «...Пожить в смерти и вернуться». О художественной философии Андрея Платонова // Вопросы философии. 2019. № 12. С. 52–63.

«...To live in death and return» On the Andrey Platonov's artistic philosophy

© 2019 г. Sergey A. Nickolsky

Institute of philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.

E-mail: s-nickolsky@yandex.ru

Received 4.07 2019

Philosophical and artistic creativity of Andrei Platonov of the twenties – the first half of the thirties of the XX-th century can not be adequately understood outside the cultural and historical context. The peculiarity of such a period was the transformation of European Marxism into its Russian version – Bolshevism, which was expressed in the destruction of private property together with its bearers; the transformation of democratic rule into autocratic; in the forced economic unification of peasants for the purpose of the guaranteed withdrawal of the product, made by them, for the forced industrial development – the solution of problems of defense of the country and future world revolution.

Working in conditions of censorship and with Stalin's label "scoundrel", Platonov had to find hidden ways of adequate research and evaluation of reality. These were the forms of philosophical and artistic cross-semantic analysis: from simple – direct statements about events and heroes, to the complex – conjunction in the text of plots with different meanings, which led to their mutual strengthening and creation of new meaning. The inattention of readers and researchers to these forms of Platonov's analysis makes the text "closed" or incorrectly interpreted.

The prose of Andrey Platonov is philosophical. To adequately comprehend it is possible only by imagining the life goal of the writer. I think that like his hero – fisherman from lake Mutevo, Platonov wanted to understand modern to him Bolshevik tectonic shift, "to live in death and return" with the aim to tell the people about what he saw and, thus, to give them the opportunity, like the people of Jan, to decide how to live.

Key words: Andrey Platonov, philosophy, literature, history, person, society, consciousness, love, death, reflection, interpretation, meaning, irony.

DOI: 10.31857/S004287440007524-1

Citation: Nickolsky, Sergey S. (2019) «...To live in death and return». On the Andrey Platonov's artistic philosophy // *Voprosy filosofii*, Vol. 12 (2019), pp. 52–63.

Выбор предметом рассмотрения проблемы философско-художественного представления и анализа действительности в текстах Андрея Платонова на материале его произведений 20-х – первой половины 30-х гг. определяется рядом причин. Отмечу главные. Первая и основная состоит в том, что Платонов как писатель-мыслитель *ориентирован на фундаментальные вопросы человеческого бытия, масштабен в исканиях, глубок в прозрениях, адекватно причастен эпохе. Его предмет – не феномены, а ноумены.* Среди произведений этого периода, на материале которых может быть раскрыта природа российского общества, кроме ранних рассказов, выделю основные, на мой взгляд, романы и повести «Чевенгур», «Котлован», «Ювенильное море» и «Джан».

Андрей Платонов – *свидетель, который прозревал развитие и заключительный этап генезиса большевизма* как социально-экономического уклада. Его начало было положено в 1917 г., а завершение состоялось спустя двадцать лет, в 1937 г. – финалом

коллективизации, полным разгромом всех оппозиций и пиком репрессий. В этот период *европейский марксизм был окончательно преобразован в марксизм ленинско-сталинский*. За два десятилетия большевизм в своей эволюции прошел начальный этап «бури и натиска» — политику «военного коммунизма», попытку немедленного и непосредственного уничтожения капитализма и создания на освободившемся месте «коммунистического производства и распределения». Далее уклад вынужденно допустил «новую экономическую политику» — временное отступление, смысл которого состоял в том, чтобы, как однажды образно выразился Ленин, «сделать веревку подлиннее, отпустить посвободнее, не разрывая совсем» [Ленин 1970, 372]. Затем наступил черед коллективизации. С конца 20-х гг. с целью защиты создаваемого строя, а также, если возникнет возможность, то и для воплощения в жизнь идеи мировой революции, жертвенным ресурсом для превращения аграрно-индустриальной страны в индустриально-аграрную было избрано загнанное в колхозы отечественное крестьянство. Следующим шагом, параллельно с началом индустриализации, стало создание ГУЛАГа. Одновременно в течение двадцатилетия шел процесс демонтажа партийной демократии и создания на ее месте административно-бюрократической системы самодержавного типа. Венчал преобразования процесс перереформирования общественной памяти и укоренения в общественном сознании идеологии сталинизма, с ее главными императивами: «воля вождя — воля народа» и «цель оправдывает средства». Все это составляло совокупность условий и обстоятельств личной и писательской жизни Андрея Платонова, которые он критически осмысливал и отражал своими текстами.

Случилось, однако, так, что уже в самом начале коллективизации хорошо знавший российскую деревню Платонов неосторожно и в ироническом ключе высказался относительно ее условий и организационных форм. Рассказ «Усомнившийся Макар» стал известен Сталину, назван «кулацкой хроникой» и ее автор, как сообщается, получил клеймо «мерзавец», «негодяй», «гад» [Варламов 2011, 223–224]. Именно поэтому, практически до конца жизни писатель был лишен возможности печататься, и его основные крупные произведения стали доступны отечественному читателю лишь в конце 80-х гг.

Со времени получения сталинской метки автора «Чевенгура» сопровождал явный и тайный присмотр, а его текстами занималась советская цензура. Тем не менее, открытую и скрытую критику власти он не прекращал. Такое поведение писателя — не только продукт его личной воли. Вспомним Марину Цветаеву: письмо и сон «...не по заказу: спится и пишется не когда нам хочется: письму — быть написанным, сну — быть увиденным» (М. Цветаева, 1922). Сам Платонов писал жене 26 января 1927 г. из Тамбова: «Я должен опощлять и варьировать свои мысли, чтобы получались приемлемые произведения. Именно — опощлять! А если бы я давал в сочинения действительную кровь своего мозга, их бы не стали печатать» [Платонов 2019, 199].

В творчестве Платонова этого периода мы имеем уникальный опыт говорения из-под пресса и поэтому анализ писательского антибольшевистского художественно-философского высказывания, сосредоточенного в его текстах, в целом, требует изучения. К тому же, наблюдающийся сегодня дефицит внимания исследователей к философствующей литературе вряд ли можно считать достоинством. «Жизненные смыслы, — отмечает В.А. Лекторский, — может предлагать литература. Она обладает перед философией тем преимуществом, что является уникальным способом приобщения к чужому опыту на основе воображения и вчувствования, эмпатии...» [Лекторский 2009, 57].

* * *

Выделив в качестве первого основания философичности мыслителя всестороннюю сопричастность эпохе, следует упомянуть и яркую культурную особенность рассматриваемого исторического периода, связанную с надеждами на преобразующую роль научного знания в жизни «нового социалистического человека», всего будущего человечества.

Марксистская модель, развившаяся в начале XX в. на волне критики либеральных представлений о социально-экономическом развитии в ряде европейских стран и США, в России обнаружила сходство с большевизмом и отечественным космизмом как формой переустройства жизни человечества. Среди тех, кто владел умами многих

гуманитариев в этот период в первую очередь следует назвать Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского и А.Л. Чижевского. Два первых верили в космическое предназначение существования человечества: Федоров видел его в активном сотворчестве с Богом, а в воззрениях Циолковского технократизм сочетался с натурфилософией. Вернадский развивал концепцию ноосферы и был убежден в вечности жизни, в то время как Чижевский говорил о влиянии космоса на историю и культуру [Алешин 2014]. Тема космоса, миссии человека в освоении вселенной, вера в безграничные возможности машин и техники – одна из сквозных и в платоновском творчестве.

Идейное содержание эпохи двадцатых – середины тридцатых гг., на которую и приходится пик платоновских философских размышлений, состояло во всестороннем приспособлении (перетолковании) учения К. Маркса и Ф. Энгельса к условиям России. (Как говорил председатель чевенгурского ревкома Чепурный: «Ты, Прош, не думай сильней Карла Маркса: он же от осторожности выдумывал, что хуже, а раз мы сейчас коммунизм можем поставить, то Марксу тем лучше...» [Платонов 2011, 249].

Уже Ленину было очевидно, что европейский марксизм мог стать руководством к практическому действию, лишь будучи адаптирован к российскому общественно-экономическому укладу и менталитету народа. Основная его идея «...состояла в том, чтобы, используя непредвиденную благоприятную политическую ситуацию, благодаря перевороту, благодаря массовому восстанию напрямую достичь социализма. Как известно, Ленину удалось добиться своей цели с неожиданным успехом. Успех Ленина убедительно опроверг марксистский тезис о том, что социализм возникает как созревший плод развитого капитализма. Высокоразвитая буржуазная культура Запада, с ее устоявшейся традицией частной собственности, правового государства и личной свободы, хотя имела тенденцию развиваться в социальную демократию, проявила себя именно поэтому не как питательная почва, но как препятствие для интегрального коммунизма. Напротив, коммунизм добился победы в экономически и юридически отсталой России с преобладающим сельским населением, живущим в примитивных отношениях» [Франк 2017, 101].

Не затрагивая проблемы исследования приспособительной, к условиям России, трансформации марксистского учения в целом, назову лишь те его аспекты, которые значимы для дальнейшего рассмотрения нашей темы.

Заявленное в «Манифесте Коммунистической партии» положение об уничтожении буржуазной частной собственности, в котором «могильщику буржуазии» адресовалось обещание «нечего ...терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир» [Маркс, Энгельс 1955, 459], в России было истолковано радикально. Русские большевики, наследники террористов, не могли пойти иным путем, кроме уничтожения, вместе с собственностью, и ее обладателей.

Смена капитализма коммунизмом должна была произойти во всемирном масштабе и поскольку опыт Октября сделал реальностью именно революционный путь, то и всемирный формационный процесс виделся как мировая революция, в которой России отводилась роль опорной базы.

И, наконец, третьей особенностью адаптации марксизма к условиям России стал особенно важный для страны аграрный вопрос и его ядро – проблема обобществления хозяйствующих крестьян. Конечно, Маркс и Энгельс говорили о возникновении крупных аграрных предприятий, что должно было произойти по мере внедрения в аграрное производство машин и механизмов, использование которых на маленьких фермерских наделах не давало бы нужной отдачи. Но укрупнение мыслилось ими как естественный ход вещей. В России же, где ресурсом интенсивного индустриального развития (в том числе и для нужд будущей мировой революции) была назначена деревня, дожидаться естественного укрупнения не собирались. Поскольку, отмечал Сталин, «...у нас нет частной собственности на землю, приковывающей крестьянина к его индивидуальному хозяйству», а земля принадлежит государству, это облегчает «...дело перехода индивидуального крестьянина на рельсы коллективизации» [Сталин 1949, 153]. Форсированная коллективизация стала еще одним важным пунктом большевистского перетолкования марксизма.

Как философствующий писатель, Андрей Платонов был продуктом своей эпохи. Начиная как большевик, он был увлечен идеями переделки мира, боготворил машины, электричество и управлявших ими «рабочих-мастеров»¹. Он подбирал на улице нищих и бомжей, надеясь вернуть им человеческий облик², в качестве мелиоратора строил в деревнях плотины и рыл колодцы. Возможно, на него оказывали влияние идеи Федорова, Вернадского и Циолковского. Однако он жил с «широко раскрытыми глазами» и то, что реально происходило в стране и с народом, не замечать не мог. Его отношение к действительности, к большевизму отразилось в его текстах и было *критично*. Подобно своему герою, рыбаку с озера Мутево, он хотел понять новый российский тектонический сдвиг, «пожить в смерти и вернуться», чтобы рассказать народу о виденном и поэтому дать ему возможность самому, как народу джан, решать — жить оседло или кочевать по пустыне [Платонов 2010].

Конечно, анализ платоновской человеческой и писательской сопричастности эпохе становления большевизма можно было бы продолжать. Однако пока ограничусь сказанным, а в завершение отмеченного скажу об общей оценке этой ситуации у Андрея Платонова. Она выступает как проходящий через все его произведения феномен насильственной смерти — знак времени [Никольский 2014].

Отмечу, что с этим моим утверждением согласятся не все исследователи платоновского творчества. Так, литературовед А. Варламов, например, тотальность смерти у Платонова не признает. Он полагает, что, например, в «Чевенгуре» «...можно увидеть противоречие, разлом между художественным и историческим. Правда смерти принадлежит Дванову, а правда жизни остается за кооперацией, за строительством, за тем безымянным инструктором птицеводства из Печепского УЗО, который забредает в Чевенгур из реального времени для того, чтобы найти кур и петухов для племенного разведения и уходит ни с чем, ибо все куры в Чевенгуре истрачены на довольствие ревотряда, а новым неоткуда взяться» [Варламов 2011, 158].

Конечно, допустить, что «правда смерти» Андрея Платонова, хотя и была много меньше четырех миллионов умерших в голод 1921–1922 гг., равно как и не меньшего количества в рукотворный голод начала тридцатых годов, но все же была, требует исторического знания, гражданского мужества, коррекции личного мировидения, освобождения от комфортных политических ориентаций. Без всего этого в оценках берут верх идеи о якобы присутствующей в платоновских произведениях жизнеутверждающей (а, возможно, и доминирующей) «правде жизни».

Вместе с тем есть и реальная «правда жизни», зафиксированная в истории. Она — в большевистской политике в отношении кооперации, начиная с изначального ленинского извращения кооперативной идеи как неприемлемого для большевиков хозяйственного объединения свободных производителей с демократическим управлением (один член — один голос), которая была распространена в России до октябрьского переворота и была в первую очередь уничтожена большевиками. После Октября эта правда состояла и в насильственном насаждении отвергаемых крестьянством коммун и колхозов (кооперации производственной), равно как и организуемого новой властью административно-бюрократического типа управления [Берелович, Данилов 2000]. Будучи с этим знакомым в каждодневной практике, Платонов и рисует картину провальной командировки куро-вода: идея государства — возродить птицеводство на костях уничтоженной кооперации не осуществима и подается в ироническом ключе.

Показать, как постепенно, от текста к тексту, накапливалось содержанием номенальное платоновское высказывание о коммунизме как большевизме — задача не простая. Для этого прежде всего нужно проследить процесс создания автором от текста к тексту выразителей большевизма — литературных героев-смыслов. При этом, естественно, возникнет вопрос о сущностном определении и «родстве» этих героев. Поэтому следует очертить пределы исследовательского внимания, которые будут заданы интерпретацией, как и выбором-оценкой того, что определяется как значимое и существенное в платоновском анализе. В результате творчество Андрея Платонова может быть рассмотрено как целостное философско-художественное высказывание.

Метод предлагаемой работы с текстом-высказыванием Андрея Платонова можно назвать *кросс-семантическим анализом*, аналитическим движением между поздними, крупными и сложными произведениями (одна группа) и более ранними и относительно

простыми (другая часть его наследия). Должна быть выявлена смысловая связь между героями — вершинами платоновского творчества — «Чевенгура», «Котлована», «Ювенильного моря» и «Джан», с одной стороны, и героями ранних текстов, с другой.

Конечно, такая смысловая связь обнаруживается не всегда непосредственным образом. Не будем забывать, что Платонов пишет, будучи под надзором и в условиях жесткой цензуры. Поэтому смысл большевизма, герои-смыслы и связь между ними часто устанавливается не прямым образом и раскрывается посредством применяемого им метода критического философско-художественного представления и анализа. Кроме того, в случае Платонова мы имеем дело с философскими, по своей природе, утверждениями, которые, в отличие от писательских наблюдений и даже размышлений, должны каким-то образом обосновываться. Можно, продолжая мысль далее, даже говорить «...о применении к художественному тексту *элементов теоретического анализа и конструирования*» [Порус 2016, 85]. И это будет явлено «...в виде аргументации или же в использовании особого рода интеллектуальной техники» [Лекторский 2009, 57]. Вот об этом анализе, конструировании и интеллектуальной технике, но не привнесенной со стороны, а найденной в произведениях писателя, я и буду говорить.

* * *

В процессе критического философско-художественного представления и анализа действительности Андрей Платонов, во-первых, прибегает к ее *интерпретации и оценке в скрытой форме*. Вот, например, в повести «Ювенильное море» инженер-коммунист Николай Вермо читает сталинскую книгу «Вопросы ленинизма», «...в которой дно истины ему показалось близким, тогда как оно на самом деле было глубоким, потому что стиль был составлен из одного мощного чувства целесообразности, без всяких примесей смешанных украшений, и был ясен до самого горизонта, как освещенное простое пространство, уходящее в бесконечность времени и мира» [Платонов 2011^a, 429]. Обратим внимание на следующие смыслы. Первый — «одно мощное чувство целесообразности». Оно явно извлечено из разрабатываемой Платоновым *трактовки большевизма как идеи фанатической*, об этом будет сказано далее. Что до второго смысла, то он намеренно скрыт *заведомо неподходящим эпитетом* к термину «пространство». Как понимать слова «простое пространство»? Ведь естественно говорить, например, о пространстве пустом. Однако в контексте оценки сталинского труда слово «пустое» (думаю, по цензурным соображениям) заведомо не может быть употреблено, и Платонов его скрывает, давая возможность *умному читателю* его угадать. Кроме того, то, что здесь требуется слово «пустое», *внимательному читателю* открывается смысловым переносом идей «Вопросов ленинизма» в ткань других платоновских текстов. (Здесь, в частности, и обнаруживается кросс-семантический анализ). Вот, например, в «Чевенгуре» кузнец Сотых возражает большевику Дванову: «...Мужику от земли один горизонт остается. Кого вы обманываете-то?» И далее: «...Дурень ты, народ ведь умирает — кому ж твоя революция останется?» [Платонов 2011^b, 158]. Что получается? Если народ умирает (исчезает), то на его месте возникает («остается») пустота, что у Андрея Платонова синоним отсутствия жизни (когда ее еще нет) или смерти (когда жизни уже нет). Что до слов «ясность до самого горизонта», то это парафраз ясности до полного исчезновения и пустоты. Думаю, что такого рода смысловая цепочка рассуждений вполне может возникнуть в сознании думающего читателя. А если может, то можно ли ее считать похвалой сталинской мудрости?

Андрей Платонов, далее, часто *интерпретирует и оценивает действительность в форме непосредственных высказываний*. Например, он включает в текст не существенную для сюжета реплику неизвестного человека, встретившего в степи Дванова и Копенкина: «Товарищи грабить поехали, пропасти на них нет!» — про себя решил человек с мешком, отошедши достаточно далеко» [Платонов 2011^b, 153]. Или замечание: «В то время Россия тратилась на освещение пути всем народам, а для себя в хатах света не держала» [Платонов 2011^b, 161]. А вот эпизод в финале «Чевенгура», когда жители города и пришедшие в коммунизм «прочие» увидели в степи прохожего и бросились к нему. «Там шел человек, — рассказывали прочие. — Мы думали, он к нам идет, а он скрылся.

Чепурный же стоял и не видел надобности в одном далеком человеке, когда есть близко множество людей и товарищей. И он сказал о таком недоуменном положении подыхавшему Копенкину.

— А ты думаешь, я знаю! — произнес Копенкин с высоты коня. — Я им все время вслед кричал: граждане, товарищи, дураки, куда вы скачете — остановись! А они бегут: наверно, как и я, интернационала захотели, — что им один город на всей земле!» [Платонов 2011⁶, 336].

Задумаемся: разве приведенные выдержки из текста не имеют отношения к ленинским идеям безденежного «непосредственного продуктообмена между городом и деревней», а в результате продотрядовского грабежа; разве не согласуются они с идеями III Интернационала о подготовке мировой революции и ее экспорта за рубеж посредством обучающихся в России революционеров-иностранцев? Очевидно, что подобного рода отступления от основного содержания должны иметь какую-то назначенную им автором цель. И какова эта цель, если не косвенное, скрываемое от цензуры критические суждения автора о реальности?

Еще один способ авторского философско-художественного представления и анализа российского мира — *прямые высказывания о героях — выразителях авторского отношения*. Вот, например, о Саше Дванове: «Он в душе любил неведение больше культуры: невежество — чистое поле, где еще может вырасти растение всякого знания, но культура — уже заросшее поле, где соли почвы взяты растениями и где ничего больше не вырастет. Поэтому Дванов был доволен, что в России революция выполола чистоты те редкие места зарослей, где была культура, а народ как был, так и остался чистым полем — не нивой, а порожним плодородным местом» [Платонов 2011⁶, 138]. Большевик Дванов приветствует уничтожение российской культуры, потому что на пустом месте ему легче творить «мир сначала» (О. Мандельштам). Неужели это похвала наблюдаемому явлению?

Андрей Платонов, на мой взгляд, изобретает еще один оригинальный способ философско-художественного анализа, неожиданное *тесное соседство сюжетов с разными, на первый взгляд, но глубинно связанными между собой смыслами, в результате чего происходит их взаимное усиление и возникает новый смысл*. Вот разговор Гопнера и Захара Павловича про «козла отпущения», про неблагоприятные объективные условия — наличие буржуазии. Но после того, как буржуев уничтожили, негативные объективные условия исчезают. То есть, говорит платоновский герой, «козла отпущения» уже «съели», на неблагоприятные условия ссылаться теперь нельзя, и поскольку большевикам уже ничто не мешает, им придется самим отвечать за свои действия.

И тут неожиданно, без переходов, в сюжете возникает посторонний персонаж, сосед Захара Павловича по жилищу — «низовой» комсомолец-истопник, который живет за дощатой стеной, «без всякого продвижения к высшим должностям» и поэтому плачет и сетует на свою судьбу: начальство на автомобилях катается, на толстых артистках женится, а о нем забыли. «В чем дело?» Очевидно, что этим ходом Платонов дает читателю представление о тех, кто идет на смену первопроходцам и кто теперь вынужден обходиться без «козла» [Платонов 2011⁶].

А вот беседа Чепурного с Гопнером о постулатах Маркса в российских реалиях и в связи с личным чевенгурским опытом. Чевенгурец, например, утверждает, что у них в городе наступил «всему конец» и на вопрос Гопнера, чему именно, отвечает: «Да всей всемирной истории — на что она нам нужна?» [Платонов 2011⁶, 182]. Чепурной интуитивно понимает и своими словами трактует смысл коммунизма как устранение эксплуатации, прекращение господства и подчинение личностному развитию индивидов отчужденных и овеществленных сил. Ведь, по Марксу, это и есть «конец предыстории» и начало истории подлинной, когда начнется формирование «богатой индивидуальности, которая одинаково всесторонняя и в своем производстве, и в своем потреблении» [Маркс, Энгельс 1968, 281]. И тут же, прямо и без перехода, следует новый эпизод, описание блуждания по крыше пожарного наблюдателя, над которым звездное небо. Когда ему надоедает дежурить и он направляется спать, появляется контролер, инспектор пожарной охраны, который за проступок обещает наказать наблюдателя отправкой на принудительные работы. На это пожарный отвечает, что наказание ему безразлично — паек одинаковый, а работают по кодексу.

Образ звездного неба — бесконечного прошлого и будущего, с «отчужденными и овеществленными силами» дополняется новой жизнью — принудительными работами. Но они не страшны, потому как и на них вместо «новой истории» — те же «кодекс и паек». Кроме того, звездное небо ранее уже обозначено в сознании внимательного читателя фразой: «...жителям надоели большие идеи и бесконечные пространства: они убедились, что звезды могут превратиться в пайковую горсть пшена, а идеалы охраняет тифозная вошь» [Платонов 2011⁶, 172].

А вот по степи к Чевенгуру идет Фирс (аллюзия с забытым старым слугой в чеховском «Вишневом саде» — С.Н.), который до революции служил в кредитной кооперации. Что с кооперацией потом стало, хорошо известно. И лишь спустя годы Ленин, боясь утратить власть и по этой причине вынужденно пойдя на НЭП, к кооперации вновь обратился [Никольский 1990], как точно формулирует Андрей Платонов, «допустил».

«Вечный» Фирс узнает об этой политике уже после смерти Ленина, «когда социализм назвался кооперацией» и в ней стали искать «спасение людей от бедности и от взаимной душевной лютости». Поэтому Фирс «...прижался душой к Советской власти и принял ее теплое народное добро. Перед ним открылась столбовая дорога святости, ведущая в божье государство житейского довольства и содружества» [Платонов 2011⁶, 199]. Новая ирония относительно коммунистической политики? И вновь *взаимное усиление идеями друг друга*: сперва кооперация уничтожена, а потом возрождена. Так же, как и в другом месте романа по поводу земли, отнятой в период военного коммунизма, а затем, при НЭПе, возвращенной крестьянам, герой и, возможно, его голосом и автор, говорит: «Ланин взял, Ленин и дал» [Платонов 2011⁶, 172]. Таковы примеры применяемого Платоновым метода *взаимного усиления смыслов*.

Андрей Платонов прибегает к художественно-философскому анализу и тем способом, при котором *сопрягает свою ироничную интерпретацию большевизма с реальными, выдвигаемыми партией идеями*. Вот «высказыватель» коммунистических идей Саша Дванов в его разговоре в сельсовете с «богом»: «Пока Дванов писал, около его стола чего-то дожидался крестьянин со своенравным лицом и психической, самодельно подстриженной бородашкой.

— Все стареется! — сказал этот человек, уверенный во всеобщем заблуждении.

— Стараемся! — понял его Дванов. — Надо же вас на чистую воду в степь выводить!

Крестьянин сладострастно почесал бородашку.

— Ишь ты какой! Стало быть, *теперь самые умные люди явились! А то без вас не догадались бы, как сттно харчиться!* (Здесь и далее выделено мной. — С.Н.).

— *Нет, не догадались бы!* — равнодушно вздохнул Дванов.

— Эй, мешаный, уходи отсюда! — крикнул председатель Совета с другого стола. — Ты же бог, чего ты с нами знаешься!

Оказывается, этот человек считал себя богом и все знал. По своему убеждению он бросил пахоту и питался непосредственно почвой. Он говорил, что раз хлеб из почвы, то в почве есть самостоятельная сытость — надо лишь причудить к ней желудок. Думали, что он умрет, но он жил и перед всеми ковырял глину, застрявшую в зубах. За это его немного почитали.

Когда секретарь Совета повел Дванова на постой, то бог стоял на пороге и зяб.

— Бог, — сказал секретарь, — доведи товарища до Кузи Поганкина, скажи, что из Совета — ихняя очередь!

Дванов пошел с богом.

Встретился нестарый мужик и сказал богу:

— Здравствуй, Никанорыч, — тебе б пора Лениным стать, будя богом-то!

Но бог стерпел и не ответил на приветствие. Только когда отошли подальше, бог вздохнул:

— Ну и держава!

— Что, — спросил Дванов, — бога не держит?

— Нет, — просто сознался бог. — Очами видят, руками шупают, а не верят. А солнце признают, хоть и не доставали его лично. Пушай тоскуют до корней, поку-да кора не заголится» [Платонов 2011⁶, 87–88].

Что внимательный читатель прочитает в эпизоде? В замечании бога в ответ на уверенность Дванова, что без большевиков крестьяне не догадаются, как жить лучше, сквозит авторская ирония (или насмешка), а само замечание Дванова от имени большевиков тождественно идее бога «питаться непосредственно почвой». (Здесь, наверное, также возможна и скрытая платоновская насмешка над ленинской идеей непосредственного — без торговли и денег — продуктообмена между городом и деревней). Читателю очевидно, что если крестьяне не выходили на чистую воду в степь, то у них были свои резервы, о которых не знают и не хотят знать открывшие истину всеобщего счастья «умные люди» большевики.

Предложением встречного о переименовании бога в Ленина автор дает дополнительный намек на близость боговых (крестьянина со «своенравным лицом») и большевистских идей. И, наконец, неверие крестьян «богу — Ленину» (держава «бога не держит») подается Платоновым как фундаментальное и неизменное. Большевистские идеи тоже не достигают цели.

И, наконец, платоновский художественно-философский анализ содержится в *итоговом разрешении сюжета романа*. Герой «Чевенгура» Саша Дванов, разуверившись в возможностях большевизма осчастливить людей — устроить коммунизм в уездном городе, а также наблюдая гибель не только его жителей, но — и это самое важное для Андрея Платонова — детей как символа будущего, возвращается к исходной утопической затее, подобно отцу, попробовать найти новую жизнь на дне озера.

Возможно, такой финал — символ гибельного итога напрасно или ошибочно прожитой личной жизни. Но этот финал также может быть интерпретирован и как крах идеи строительства коммунизма, нежизненности большевистских идей, печальный и, главное, бесполезный результат страшной череды смертей реальных и мнимых эксплуататоров. Мы помним, что и в «Котловане» смерть девочки Насти рушит смысл коммунистического замысла-строительства. Да и в «Ювенильном море» будущее, если и не свидетельствует о трагедии, то представляется открытым и вряд ли покорным большевикам огромным пространством Атлантики, через которую герои на пароходе отплывают из России в Америку с целью найти чудодейственный способ материализации коммунистического замысла. Однако тот порядок уже устроенной в стране общей жизни, который остается у них за спиной, надежд на счастливый (коммунистический) конец не вселяет. Напротив, он ироничен, поскольку провожает героев за океан странная компания — ультра-революционерка Федератовна и ультра-реакционер Умрищев, с явной усмешкой автора соединенные в супружеском союзе.

* * *

«Устроить на родине счастливый мир блаженства, а больше неизвестно, что делать в жизни <...> сделать счастье среди одной земли» [Платонов 2011⁶, 127, 132], — такой видит свою жизненную цель молодой большевик Назар Чагатаев. Уже именем героя Андрей Платонов задает повести философский смысл: Назар (Назарий) — от древнееврейского, означающее «посвятивший себя богу». Бог этот — большевизм, к которому обращается за помощью Чагатаев и получает ее. Но за это герой должен решить задачу — *сделать народ оседлым*. Как и библейскому пророку Моисею, которому было определено вывести евреев из египетского плена, сплотить и дать заповеди, Чагатаеву надлежит собрать разбредавший по пустыне народ джан. И хотя о большевистских заповедях для джан напрямую не говорится, они, естественно, подразумеваются: вспомним, что в стране в это время шла коллективизация и сообщество-производственная единица была единственной нормой жизнеустройства. Однако оседлость по чужой воле — это конец народным поискам собственного способа жизни, приятие большевистского устройства жизни, покорность, наконец. Человек «...сам себе выдумает жизнь, какая ему нужна», — говорит один из героев повести «Джан» старик Суфьян [Платонов 2010, 224], повторяя сказанное в «Чевенгуре» Гопнером о паровой машине внутри каждого человека.

Конечно, у библейской и платоновской историй есть существенное различие. Если евреи объединяются и в течение сорока лет ходят за Моисеем, то народ джан присланного властью вождя не принимает и вновь разбредается. Собирается же он *исключительно по своей воле*.

В этом, народном, своеволии – скрытая антибольшевистская мысль Андрея Платонова, обозначенная, кстати, и в более раннем рассказе «Песчаная учительница», вышедшая намного раньше «Джан», в 1927 г. Девушка-героиня учит людей останавливать пески садами. Но этого мало перед тысячелетней традицией кочевников бродить по пустыне, вслед за скудной пищей. Вождь кочевников говорит учительнице: «Мы не злы, и вы не злы, но мало травы. Кто-нибудь умирает и ругается». И далее: «Степь наша, барышня. Зачем пришли русские?» [Платонов 2004⁶, 47]. За этим – опасная грань: советы – наследник и продолжатель колониальной Российской империи.

«Насадить» свободу нельзя. Найдется закономерность более высокого уровня (логика кочевников), которая окажется сильнее локальной, «малой» рациональности (логики жителей деревни). И даже выявится закономерность, которая опрокинет логику «чужеродную» (русские колонизировали другой народ, отобрали у него степь и с ними, как с захватчиками, степные народы борются). Конечно, этот вывод никогда не мог быть высказан Андреем Платоновым, но что вытекает из его анализа? Как по-иному можно было высказаться о том, что значительная часть большевистских замыслов и планов – волюнтаризм и авантюра?

* * *

Анализ платоновских способов философско-художественного анализа значим не только для их адекватного прочтения, но и для продуктивной работы в сфере философии истории (историософии). То, что философствующая литература выполняет серьезную работу в области гуманитаристики вообще, и философии истории, в частности, я уже пытался показать [Никольский 2018]. Но анализ способов философско-художественного анализа имеет значение и для профессиональных исследователей его творчества. Показать это можно на примере упрощенной трактовки такого сложного философско-художественного образования как роман «Чевенгур». Так М.Н. Эпштейн видит в нем тотальное стремление к созданию царства лени, всеобщую страсть к безделью. В созданных Платоновых образах он обнаруживает «выдающиеся черты российского характера», в котором, уживались гражданская и трудовая сонливость – с воинской решимостью и напором. Как помыслить Россию в единстве мечтательного сибарита и не знающего жалости к себе и к другим энтузиаста? Обломовское мы давно уже научились опознавать в себе – это неощущение реальности, отмашку от практических дел, попускание любой инерции и застоя. Но ведь и Корчагина, с его жестким прищуром и пальцем на взведенном курке, из России не выкинешь. Даже сбитый с ног, поваленный болезнью, он способен выпрямиться, «ухватиться за руль обеими руками», «разорвать железное кольцо», «с новым оружием вернуться в строй», чтобы «в штурмующих колоннах появился и [его] штык» («Как закалялась сталь»).

Тайна этого родства вскрыта народнейшим из народных писателей – Андреем Платоновым. Голодные и решительные герои его «Чевенгура», строящие коммуны, в которой главным работником было бы солнце, а они – его равными и праздными нахлебниками, – ведь это удивительная помесь корчагинского энтузиазма и обломовского сибаритства. Они готовы совершить неслыханные ратные подвиги, дабы простой человек, скинув иго принуждающих его к труду хозяев, мог ничего не делать и беспечно прозябать под солнцем. Чевенгурская коммуна с растениями и солнышком в качестве главных действующих лиц, ведь это больше всего напоминает не кампанелловский город Солнца, а сонное царство Обломовки. Разница только та, что в Обломовке покой и беспамятство сытости, а в Чевенгуре – голода. Но как пресыщение и истощение одинаково ведут к погашению жизненных энергий – так, позитивом и негативом, совпадают в своих очертаниях две идиллии: помещичья и коммунарская» [Эпштейн 2015, 134].

В чем причина внешне схожей, но содержательно неадекватной аналогии? Думаю, отчасти, в том, что не замечается важнейшая смысловая часть текста – наличие у Платонова непрерывный философско-художественный анализ. Невнимание к нему закрывает для исследователя возможность адекватного прочтения, понимания и истолкования романа. Тем самым, далее, создается возможность для сопоставления

непонятого Андрея Платонова со столь же непонятым Ильей Ильичем Обломовым в романе Гончарова.

Павка Корчагин и в самом деле фанатик коммунистической идеи. И в этом Николай Островский как прообраз вполне солидарен со своим героем. Но разве есть настоящие «воинская решимость и напор» у жителей Чевенгура? Разве вызывает ужас главный воин, международный революционер Копенкин? И даже тогда, когда Чепурный с Пиусей и чекистами «кончают» буржуев, это подается не как трагедия, а как внимательный анализ одного из проявлений большевизма. В этом эпизоде, как и в тексте романа в целом, довлеет авторская установка — «пожить в смерти и вернуться». Для чего? Чтобы решить, как жить дальше. Даже в этом смертном сюжете Андрею Платонову удается остаться наблюдателем-исследователем большевизма, ведь это был не только анализ, но и рефлексия, исследование им самого себя, в прошлом большевика.

* * *

Выработка особых способов «теоретического анализа и конструирования» [Порус 2016, 85] исследовательского предмета в писательской работе в условиях тоталитарной цензуры или даже прямого давления со стороны власти — проблема творчества не только Андрея Платонова. В определенной мере это было свойственно многим другим философствующим авторам советского периода, поэтому изучение применяемого ими художественно-философского представления и анализа действительности впереди.

Примечания

¹ Приведу выдержку из его статьи 1921 г.: «Каждый час отсутствия у нас электрификации приносит миллиарды убытков и горы трупов, если перевести бесполезную трату труда на потерю кусочков жизни в каждом рабочем человеке. <...> Электрификация мира есть шаг к нашему пробуждению от трудового сна — начало освобождения от труда, передача производства машине, начало действительно новой, никем не предвиденной формы жизни. <...> Электрификация есть осуществление коммунизма в материи — в камне, металле и в огне» (Платонов 2004а, 137).

² Андрей Платонов «...с моим мужем очень подружился, — вспоминает В.А. Трошкина. — Они ходили в народ, приводили домой бродяг каких-то ночевать. Приведут какого-нибудь обездоленного, обиженного, пьющего, опустившегося. Они таких вот находили и старались возродить их к жизни» (Платонов 2004в, 2).

Источники — Primary Sources

2011 — Варламов А. Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, 2011 [Varlamov A. *Andrey Platonov*. Moscow: Molodaya gvardiya, 2011 (in Russian)].

Ленин 1970 — Ленин В.И. Материалы к X съезду РКП(б) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы. 1970. Т. 43. С. 371–373 [Lenin, Vladimir I. Proceedings of X Party Congress (in Russian)].

Маркс, Энгельс 1955 — Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание 2-е. Т. 4. М.: Издательство политической литературы, 1955. С. 419–459 [Marx K., Engels F. Communist Manifest. (Russian Translation)].

Маркс, Энгельс 1968 — Маркс К., Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание 2-е. Т. 46. Часть I. М.: Издательство политической литературы, 1968 [Marx, Karl (Russian Translation)].

Платонов 2004^а — Платонов Андрей. Электрификация (Общие понятия) // А.П. Платонов. Сочинения. Т. 1. 1918–1927. Книга 2. Статьи. Научное издание. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 133–142 [Platonov, Andrey P. Electrification (General concept) (in Russian)].

Платонов 2004^б — Платонов Андрей. Песчаная учительница // А.П. Платонов. Сочинения. Т. 1. 1918–1927. Книга 1. Рассказы. Стихотворения. Научное издание. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 42–48 [Platonov, Andrey P. The Sandy Teacher (in Russian)].

Платонов 2004^в — Андрей Платонов в воспоминаниях друзей и коллег. Мюнхен: Im Werden Verlag, 2004 [Andrey Platonov in Memories of Friends and Colleagues, Im Werden Verlag, München (in Russian)].

Платонов 2010 — Платонов Андрей. Джан. // Платонов А.П. Счастливая Москва. Собрание. М.: Время, 2010 [Platonov, Andrey P. Djan (in Russian)].

Платонов 2011^a – *Платонов Андрей*. Ювенильное море. // Платонов А.П. Эфирный тракт. Повести 1920-х – начала 1930-х годов. Собрание. М.: Время, 2011. [Platonov, Andrey P. The Sea of Youth (in Russian)].

Платонов 2011^b – *Платонов Андрей*. Чевенгур // Платонов А.П. Котлован, Чевенгур. Собрание. М.: Время, 2011. С. 9–410 [Platonov, Andrey P. “Chevengur” (in Russian)].

Платонов 2019 – *Платонов Андрей*. Письмо жене 26 января 1927 г. // Платонов А.П. «...я прожил жизнь». Письма (1920–1950 гг.). Изд. 2-е, дополненное. М.: Астрель, 2019. С. 205–209 [Platonov, Andrey P. The Letter to Wife of January, 26, 1927 (in Russian)].

Сталин 1949 – *Сталин И. В.* Речь на Конференции аграрников-марксистов «К вопросам аграрной политики в СССР». Сочинения. Т. 12. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. С. 141–172 [Stalin, Joseph. Speech for Conference of Marxists-Agrarians (in Russian)].

Франк 2017 – *Франк С.Л.* Живая Европа: Происхождение и сущность русского марксизма // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 92–104 [Frank S. Living Europe: The Origin and Essence of Russian Marxism (in Russian)].

Ссылки – References in Russian

Алешин 2014 – *Алешин А.* Размышление о феномене русского космизма // Вопросы философии. 2014, № 4. С. 79–92.

Берелович, Данилов 2000 – Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД (1918 – 1939). Под ред. *Береловича А. и Данилова В.* Документы и материалы в 4-х томах. М.: РОССПЭН, 2000–2012 – http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=67&Itemid=52. Дата обращения – 14.06.2019.

Варламов 2011 – *Варламов А.* Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, 2011/

Лекторский 2009 – *Лекторский В.* Круглый стол «Философия и литература: проблемы взаимных отношений» // Вопросы философии. 2009, № 9. С. 56–96.

Никольский 1990 – *Никольский С.А.* Власть и земля. Хроника утверждения бюрократии в деревне после Октября. М.: Агропромиздат, 1990.

Никольский 2018 – *Никольский С.А.* Российская философия истории и литература // Вопросы философии. 2018, № 10. С. 116–127.

Порус 2016 – *Порус В.Н.* Что значит «понять» художественный текст? // Вопросы философии. 2016, №7. С. 84–96.

Эпштейн 2015 – *Эпштейн М.* Ирония идеала. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

References

Aleshin, Albert I. (2015) Reflection on the Phenomenon of Russian Cosmism, *Voprosy Filosofii*, 2015, Vol. 4, pp. 79–92 (in Russian).

Andrey Platonov in Memories of Friends and Colleague, Im Werden Verlag, München (in Russian).

Berelovich, Alexis, Danilov, Victor (2000–2012) *Les Compagne Sovietiques vues par la Tcheka – O.G.P.U. 1918–1939. Documents et Materiaux*. 4 Tomes, ed. A. Berelovich, V. Danilov, ROSSPEN, Moscow (in Russian).

Epstein, Mikhail N. (2015) *The Irony of the Ideal Paradoxes of Russian Literature*, Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow (in Russian).

Lectorsky, Vladislav A. Philosophy and the Literature: Problems of Mutual Relations, *Voprosy Filosofii*, 2009, Vol. 9. pp. 56–96 (in Russian).

Nickolsky, Sergey A. (2018) Russian philosophy of history and literature, *Voprosy Filosofii*, Vol. 10, pp. 116–127 (in Russian).

Nickolsky, Sergey A. (1990) *The Power and the Land. The Chronicle of the Approval of the bureaucracy in the village after October 1917*, Agropromizdat, Moscow, (in Russian).

Porus, Vladimir N. (2016) What Does It Mean to «Understand» a Literary Text? *Voprosy Filosofii*, Vol. 7. pp. 84 – 96 (in Russian).

Varlamov A. (2011) *Andrey Platonov*, Molodaya gvardiya, Moscow In Russian.

Сведения об авторе

НИКОЛЬСКИЙ Сергей Анатольевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии культуры Института философии Российской академии наук.

Author's information

NICKOLSKY Sergey A. – DSc in philosophy, chief researcher, head of the sector of philosophy of culture, Institute of philosophy, Russian Academy of Sciences.